
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ*

Г. В. Колодко

В статье анализируется постсоциалистический период мирового развития, который определяется автором как «Великая трансформация». Рассматривая ее как замену прежней системы новым институциональным порядком, автор с привлечением значительного фактического материала и во многом на примере польского опыта показывает, как происходит отход от прежней системы и переход к новой в условиях современной глобализации.

Ключевые слова: трансформация, постсоциалистическая трансформация, реформы, конфликтогенность, социализм, капитализм, конкуренция, неолиберализм, рыночная экономика, глобализация.

Практически повсеместно считается, что Великая трансформация началась в 1989 г. Стало быть, в 2009–2010 гг. отмечается ее круглая дата. И хотя по этому поводу появилось много интересных публикаций, тем не менее комплексной теории трансформации все еще нет.

С момента окончания исторических заседаний Круглого стола прошел 21 год. Это стало событием, которое, безусловно, изменило ход истории, гальванизируя процесс постсоциалистических перемен, причем не только в экономике. Естественно, продолжавшиеся два месяца и не сопровождавшиеся бурными скандалами заседания варшавского Круглого стола выглядели не только менее телегеничным, но и гораздо менее зрелищным событием, чем падение Берлинской стены. Тем не менее не подлежит сомнению, что без первого не было бы и второго. Во всяком случае, Берлинская стена могла бы еще немножко постоять...

В сущности, 1989 г., хоть он уже и занесен в анналы, – выражение условное, ибо можно отыскать доказательства того, что процесс постсоциалистической трансформации имеет гораздо более глубокие корни. Это относится как к строительству определенных сегментов рыночной экономики, так и к созданию некоторых демократических институтов правового государства. Эти два взаимопроникающих и поддерживающих друг друга процесса шли все 80-е гг., а отдельные их элементы проглядывали и ранее, они имели место в Югославии, Венгрии и в Польше.

* Научно-исследовательская работа, осуществляемая в рамках научного проекта «Системные преобразования и социально-экономическое развитие. Детерминанты, достижения, перспективы», финансируется за счет гранта № N N112 345638, выделенного на 2010–2012 гг. из польских источников финансирования научных исследований.

И что интересно: если в Польше охотно соглашаются с мнением, что процесс трансформации начался именно здесь и именно в 1989 г., то в мировой литературе все чаще можно встретить мнение, что начался он в другом месте и значительно раньше. Так, считается, что поляков в этом эпохальном рывке якобы опередили и русские со своей *перестройкой* 1986 г., и вьетнамцы со своей *doi moi* того же года, не говоря уже о китайцах с начатыми в 1979 г. рыночно ориентированными переменами, когда Дэн Сяопин изрек свою знаменитую фразу о том, что неважно, какого цвета кошка – черного или белого, лишь бы она ловила мышей.

Такая интерпретация содержит неточность, которая возникает из отождествления системных рыночных реформ с трансформацией строя. Реформы сводились к таким институциональным изменениям, которые должны были лишь подкорректировать существующую систему тем, что придали бы ей гибкость, повысили конкурентоспособность предприятий, а в итоге в результате повышения уровня жизни получили бы поддержку общества. В Китае или во Вьетнаме многие экономисты и политики до сих пор убеждены, что именно на это, а не на замену социалистического строя капиталистическим направлены проводимые вот уже целое поколение реформы. Трансформация же состоит в замене прежней системы новым институциональным порядком. В случае реформ речь шла о спасении «реального социализма» путем попыток придания ему экономического и социального смысла в условиях современной научно-технической революции и происходившей в это самое время глобализации. В случае же трансформации речь идет об отходе от прежней системы и переходе к новой.

Это комплексный переход, поскольку постсоциалистическая трансформация представляет собой нечто значительно более внушительное и сложное, чем всего лишь экономическое мероприятие. Это также культурная и политическая трансформация. И в этих областях различий еще больше, особенно между восточноевропейской, балканской, постсоветской и азиатской моделями постсоциалистической трансформации.

Неэкономические аспекты Великой трансформации – политические, правовые, социальные, культурные, психологические – тоже имеют богатую литературу, и в ней противоречий не меньше, чем в литературе экономической. А они огромны. В сущности, это самые большие перемены в истории человечества, потому что никогда еще не изменялось так много и так быстро для столь многих людей. Процесс постсоциалистических системных преобразований охватывает свыше 1 млрд 800 млн людей – от Эльбы до Тихого океана. Примерно столько людей проживало на Земле около двух столетий тому назад, во времена Французской и Американской революций...

Хотя прошло уже практически двадцать лет, трансформация еще не завершена. Правда, в случае с десятком европейских постсоциалистических стран, которые уже вошли в состав Евросоюза в качестве его полноправных членов, большинство аналитиков и исследователей склонны объявлять об увенчании процесса трансформации успехом, поскольку было построено рыночное хозяйство; но стоит ближе приглядеться к сути этого процесса (не только к либерализации и стабилизации, но прежде всего к строительству институтов и микроэкономическим преобразованиям), как становится ясно, что он еще продолжается. А поэтому стоит детальнее разобраться в тех механизмах, которые задействованы в нем, еще и пото-

му, чтобы, оказавшись перед лицом очередных дилемм, быть в состоянии выбрать лучшие из возможных стратегий долгосрочного и равновесного развития, лучшие не только в плане финансов и торговли, но также и в отношении социальных проблем и экологии.

Итак, два десятилетия постсоциалистической системной трансформации за нами. Но действительно ли только два десятилетия? А может, все-таки больше, коль скоро во многих странах, относимых ныне к рыночным экономикам, возникшим в рамках системы планируемого из центра социалистического хозяйства, зачатки этих эпохальных изменений имели место и раньше? В настоящее время на пространстве половины Европы и Азии уже функционируют более или менее развитые рыночные экономики. Но являются ли они на самом деле зрелыми системами при том жалком состоянии продвинутой институциональных реформ, например, в некоторых странах постсоветской Средней Азии, где уровень реформированности меньше, чем в определенных странах Центральной Европы 21 год тому назад, когда мы, поляки, вставали из-за Круглого стола?

Не одна корзина

Лишь эти два вопроса дают представление, насколько огромна и сложна проблематика постсоциалистической трансформации. Особенно если речь идет не только о переходе от планового хозяйства, базирующегося на господстве государственной собственности и бюрократическом контроле, к хозяйству рыночному, опирающемуся на собственность частную и незарегулированную. Речь также идет о трансформации в сторону политической демократии, правового государства, гражданского общества, новой ментальности.

На этом фоне трудно было бы ожидать похожего течения процесса трансформации во всех участвующих в нем странах. Его тем не менее пытаются понять и описать с помощью стандартного набора категорий, что часто, даже слишком часто, ведет к чрезмерным упрощениям, а порой и просто к примитивным обобщениям, в то время как к интерпретации этого процесса надо подходить, имея в виду всю его многогранность и палитру. С другой стороны, выработка универсального видения остается трудной задачей, поскольку разные авторы руководствуются неодинаковыми теоретическими или методологическими ориентирами, более того – исходят из неодинаковых ценностей. Тем не менее это не должно стать препятствием к созданию комплексной теории системной трансформации, этого метапроцесса нашей жизни.

Естественным образом социалистические страны (теперь их многие называют коммунистическими, но не тогда, когда эта система существовала) на рубеже 80-х и 90-х гг. имели много общих фундаментальных черт. Это дает право многочисленным исследователям поместить весь этот «букет» в одну общую корзину. Но они с трудом там помещаются, потому что в содержательном плане некорректно размещать разные социалистические subsystemы под одной общей вывеской. Ибо различия между Польшей и Румынией конца 80-х гг. имели качественный характер; это были системные, принципиальные, а не второстепенные различия, чего не понимает половина людей из этих стран, потому что их тогда еще не было или они не могут помнить о том, что и как происходило на самом деле. Аналогично обстоит дело и в отношении соседствующих друг с другом Венгрии и Болгарии или,

например, Югославии и Албании. Неодинаковые ценности, разнообразные институты, разная политика, разные уровни развитости (отсталости) суть важнейшие черты качественно отличной стартовой позиции на пути трансформации к истинной рыночной экономике и демократическому правовому государству.

Однако можно сделать некоторые упрощения и определенные допущения, после которых многочисленную группу государств – свыше 30 стран, производящих в сумме около 14 трлн долларов, то есть примерно 20 % мирового ВВП (считая по паритету покупательской способности), – можно подвести под общий знаменатель. Но, делая это, необходимо понимать существенные географические, культурные, экономические и политические различия представленных в этой группе стран. При таком подходе и с учетом этих замечаний можно, учитывая перспективу быстротечного времени, сформулировать несколько наблюдений относительно того, как до сих пор шла трансформация, и сделать несколько выводов на будущее.

Одна ли трансформация?

Неизбежным было распространение импульса, толкавшего интересующие нас страны в направлении рыночного хозяйства, сначала из одной – из Польши, – а потом и из нескольких стран на весь регион Центральной и Восточной Европы и на бывший Советский Союз, а также на ряд азиатских стран. Здесь сработал механизм политического домино, который привел к тому, что даже в странах, которые еще двадцать лет тому назад находились в оковах ортодоксального социализма (коммунизма), таких, например, как Албания и Румыния из тех, что ближе к нам, или таких далеких, как Вьетнам или Лаос, необратимой стала трансформация всей системы. При этом надо сразу отметить, что в этих последних курс на рынок был выбран уже давно, со второй половины 80-х гг., причем скорее под влиянием рыночных китайских реформ, чем вслед за польским переломом, произошедшим 21 год назад. Но, как уже упоминалось, это все были реформы старой системы, а не трансформация, ведущая к новой системе.

Разные исходные условия, в которых находились экономики в момент старта к великой метаморфозе, оказывали сильнейшее влияние на сам ход процесса трансформации. Условия наиболее благоприятные, сложившиеся вследствие имевших место ранее рыночных преобразований, были в Польше и Венгрии, самые неблагоприятные – в ортодоксальных Албании и Румынии. Более того, эти обстоятельства продолжают играть свою роль, потому что, несмотря на громадный прогресс в сфере строительства рыночной экономики, наследие прошлого отбрасывает длинную тень на современность. Но при этом в разных странах данная тень имеет разную форму и величину.

Большое историческое достижение состоит в том, что, несмотря на внутреннее напряжение и конфликтность заключительной фазы холодной войны, удалось провести столь сложный процесс в основном мирно. В основном, потому что, к сожалению, имели место исключения, а их последствия до сих пор дают о себе знать. Тем не менее стоит подчеркнуть, что мало кто заранее, два десятилетия тому назад, был склонен предполагать, что распад Советского Союза (причем в условиях разбушевавшейся инфляции) может пройти мирно. Но последствия той конфликтности отягощают ход процесса и в настоящее время. Это видно в самых разных областях: например, с одной стороны, все еще более сильные, чем

в традиционных рыночных системах, сантименты к патерналистской роли государства или, с другой – случаи терроризма, особенно в России и на ее пограничье.

Практика и теория

Постсоциалистическая трансформация в направлении к капитализму обнаруживает себя как реальный процесс, высокодинамичный и многоаспектный, не опирающийся ни на какую целостную зрелую экономическую теорию. Внезапное начало трансформации (а оно было именно таким, внезапным, даже несмотря на довольно далеко для того времени зашедшие рыночные реформы в отдельных странах) поразило подавляющее большинство экономистов, политологов и социологов как на Востоке, так и на Западе. В некоторых странах это было тотальное удивление, охватившее всех без исключения, в том числе и тех, кто был в высшей степени заинтересован в падении прежнего режима и с нетерпением ждал этого. Поэтому основы экономической теории трансформации создавались *in statu nascendi*, по ходу дела. Так, надо было не только анализировать ситуацию и принимать решения, но и изучать и теоретизировать, что от чего зависит, какой должна быть последовательность действий, как оптимизировать соотношение «затраты – выпуск» в условиях быстро и часто непредсказуемо меняющейся действительности. В результате появилась своеобразная экономическая дисциплина, и даже шире – общественно-научная дисциплина, известная под именем «транзитология» (от английского *transition*), то есть наука о переходе. Разумеется, в данном случае имеется в виду переход от плана к рынку, от социализма к капитализму.

И что интересно, генеалогия «транзитологов» двояка. На Востоке это была группа прогрессивных реформаторов, уже давно втянутых в рыночные перемены, как теоретиков, так и практиков. На Западе, в свою очередь, они вышли или из советологов, большинство которых оказались не готовыми к новой действительности, или из более прагматично подходивших к вопросу экономистов главного течения, мейнстрима, подавляющее большинство которых лишь с 1989 г. заинтересовались этим пространством Земли.

Несмотря на отсутствие цельной и однозначной теории трансформации, сам ход трансформации, опирающийся как на все более глубокие экономические знания, так и на интуитивные находки, в общем оценивается положительно. В общем, потому что имеются самые различные мнения и их усреднение недопустимо, поскольку это означало бы чрезмерное упрощение, а частично и уход от сути проблемы.

Совершенно иные оценки поступают извне, особенно с Запада, у которого до сих пор сохраняются иллюзорное и схематичное представление о строе времён социализма, оценки, отличающиеся от тех, которые формировались внутри системы, на Востоке. Положительные перемены проявляются не только в качественных институциональных изменениях – ибо трансформация касается прежде всего именно этого, – но и в далеко идущих структурных изменениях. При этом имеет место совпадение взглядов – и это правильно – в отношении того, что возможно было бы достижение более ощутимого прогресса, чем отмечался до сих пор. Зато нет такой солидарности – и это плохо – в отношении того, что можно было бы достичь более высоких темпов роста при меньшей дифференциации материального положения разных групп населения. С последней точки зрения трансформацию следует оценить в общем негативно.

Когда будет конец трансформации?

Сравнительные изучения – а именно такие изучения наиболее интересны – проблемы трансформации, учитывающие ее различные геополитические условия, показывают, что этот процесс пока еще не завершен. С одной стороны, легко заметить, как много еще предстоит сделать на пути строительства развитой конкурентоспособной рыночной экономики некоторым балканским странам и ряду постсоветских республик, с другой стороны, могло бы показаться, что десяток постсоциалистических стран, ставших членами Евросоюза, успешно завершил процесс преобразований и что в них уже создана рыночная экономика. Но это не так, поскольку даже в отношении лидеров трансформации еще слишком рано говорить как об институционально и культурно зрелых рыночных системах.

Трансформация еще не стала историей, и она продлится еще много лет. Что же будет определять ее завершение и переход к полнокровной, зрелой рыночной экономике? Наверняка это не один какой-то фиксированный момент, как и в случае человека. Мы, например, можем определенно сказать, взрослый перед нами человек или ребенок, но не так просто определить, когда произошел переход из одной фазы жизни в другую. Даже если человек попытается самому себе дать ответ на этот вопрос в отношении себя самого, он увидит, что это не так просто сделать. Это определяется не каким-то одним событием, а многоплановым и порой длительным процессом. В не меньшей степени это замечание относится к обществу, культуре, государству и экономике.

Что же касается последней, то для того, чтобы называться зрелой рыночной экономикой, она должна быть способна к конкуренции в рамках глобального хозяйства. Она также должна быть способна к равновесному развитию не только в узко экономическом (финансовом, торговом, инвестиционном) смысле, но и социальном (приемлемое для людей и не обращенное против экономической эффективности и способности формирования капитала распределение доходов и богатств) и экологическом (равновесный обмен между человеком и его экономической деятельностью, с одной стороны, и природой – с другой).

Великая метаморфоза – эта великая постсоциалистическая трансформация в направлении к рыночной экономике, политической демократии, гражданскому обществу и новой культуре – продолжается. Учась на богатой практике и теоретических разработках, мы постоянно расширяем сферу нашего знания о механизмах и законах, управляющих этим историческим процессом. Но нам такого знания нужно гораздо больше.

Снова неожиданностью для некоторых (впрочем, для других, которых, правда, гораздо меньше, это не было никаким сюрпризом) оказалось то, что рыночная система – та самая, что возникает в ходе трансформации, но еще больше, – традиционная, капиталистическая, та, что в течение многих лет окружала социалистические страны, – далека от совершенства. Современный мировой кризис – это кризис реального капитализма, к которому ведет системная трансформация, а не реально-го социализма, с падения которого она началась.

Парадоксально, но только после двух с лишним десятилетий великих системных перемен появляется принципиальный вопрос: к какой рыночной экономике мы должны стремиться в нашей части мира? Ибо реальный капитализм – тот, что есть в действительности, а не тот, что существует в учебниках в виде моделей иде-

альной конкуренции или в иллюзорных неолиберальных утопиях, – многолик. Точно так же, как многоликим был и реальный социализм, известный по собственному опыту все меньшему числу людей. Время делает свое дело. Итак, несмотря на то, что нам кажется, будто мы хорошо знаем, от чего отошли поколение назад, у нас все еще нет полной ясности в отношении того, к чему мы стремимся...

Дороги и бездорожье польской трансформации

Через несколько месяцев после достижения исторических договоренностей Круглого стола в сентябре 1989 г. премьер-министр Тадеуш Мазовецкий в своем программном заявлении сказал, что целью его правительства будет построение социального рыночного хозяйства. И после этого вопрос на какое-то время перестал быть актуальным. Такой оборот стал началом многих проблем, потому что линия политики, которая осуществлялась в течение следующих пяти лет, представляла существенный отход от попытки создать социальную рыночную экономику. Особенно после вызванного шоком без терапии падения начала 90-х гг. трансформация была направлена в сторону неолиберальной модели рынка.

Только после реализации «Стратегии для Польши» удалось направить экономику на путь быстрого роста и ввести хотя бы некоторые из принципов социальной рыночной экономики, прежде всего соединив заботу о повышении эффективности производства с заботой о справедливом распределении плодов его роста. В 1994–1997 гг. при среднегодовом росте реального ВВП на душу населения на 6,4 % в итоге он вырос на целых 28 %. Польшу стали называть «европейским тигром», и больше поляков в этот период возвратилось на родину, чем покинуло ее, то есть наблюдалась картина, обратная тому, что мы имеем сегодня. Тот период отличался также закладкой основ партнерского институционального порядка путем создания переговорной системы с участием всех значимых социальных партнеров, особенно работников (профсоюзов), предпринимателей и правительства.

К сожалению, вскоре, в 1998–2001 гг., происходит возвращение неолиберализма, на этот раз соединенного с течением популизма правого толка, что быстро приводит к очередному краху конъюнктуры и к стагнации, вызванной ненужным переохлаждением экономики. Из-за характерной для тех четырех лет общей несогласованности реформаторских действий затормозилось также строительство социального рыночного хозяйства.

Лишь несколько лет спустя, в 2002–2003 гг., удалось повысить темп роста в результате осуществления «Программы корректировки финансов РП». Сначала тогдашний премьер-министр Марек Белька бросил лозунг: «1–3–5», предлагая такую последовательность экономического ускорения, потом я выступил с лозунгом «3–5–7». И это были не просто слова, именно так и произошло. Если в IV квартале 2001 г. ВВП увеличился на незначительные 0,2 %, то в I квартале 2004 г. он вырос на целых 7,0 %. Принципиальное значение в этом повороте событий имело освобождение от долгов около 60 тысяч предприятий, впрочем, изменение ожиданий в связи со скорым вступлением в Евросоюз тоже сделало свое дело.

Но здесь сразу следует подчеркнуть, что социальная рыночная экономика строится в течение жизни поколений людей, а не за срок полномочий парламента или один или два эпизода работы в правительстве. Для того, чтобы построить социальное рыночное хозяйство такого типа, как, например, в Скандинавских странах, нужны совместные усилия одного, двух или даже трех поколений. Кроме то-

го, должна существовать соответствующая культурная среда, которая, будучи выше второстепенных идейно-политических различий и противоречий сиюминутных экономических интересов, сможет соединить основные группы общества в совместных усилиях во имя определенной высшей цели, в пользу такой ситуации, которая показывает, что возможны одновременно и экономическая эффективность, и социальное единство. А это невозможно без активной и выверенной роли государства, которое неолиберализм объявляет врагом общества номер один, а популизм – инструментом неэффективного распределения. Другими словами, социальное рыночное хозяйство нарабатывает солидный социальный капитал, однако без критической массы этого капитала такое хозяйство построить невозможно.

Польше, несомненно, требуется комплексная долгосрочная стратегия равновесного развития. Ее не могут заменить ни глобализация, ни рынок сам по себе. Развитие при этом должно быть равновесным не только в отношении финансов и торговли, но и в плане общества и экологии. Его основой должен быть высокий уровень сбережений и инвестиций, которые должны финансировать инфраструктурное строительство и защиту природной среды, опираясь прежде всего на внутренние ресурсы страны.

Все это должно сопровождаться экспортной экспансией, направленной особенно за пределы Евросоюза, чем в последние годы сильно пренебрегли. Поэтому экспорт должен стать локомотивом экономического роста, и продукция должна во все большей степени направляться на заграничные рынки разного рода. Не может продолжаться инерция, проявляющаяся в том, что почти 80 % оборота польской внешней торговли приходится на Евросоюз, который производит 20 % мировой продукции, тогда как на остальной мир, производящий 80 % валового планетарного продукта, только 20 %. Но дальнейшая экспансия торговли требует ослабления, а не укрепления злотаго, к чему снова идет дело весной 2010 г.

Политика экономического развития

К сожалению, в течение ближайших двух-трех лет, а может, и дольше, у Польши нет шансов существенно ускорить экономический рост из-за общей политической слабости. Единственная надежда на улучшение ситуации – в инициативах снизу, в частном предпринимательстве и местном самоуправлении. Но и этого мало. Необходима также направленная на поддержку роста макроэкономическая политика, неинфляционно стимулирующая совокупный спрос всех трех секторов: домашних хозяйств (населения), предприятий и государства (госсектор). С этой целью Центробанк не должен в ближайшее время повышать процентную ставку, впрочем, опасаясь, что под давлением так называемого рынка, а точнее говоря, определенных групп интересов, он это сделает.

Необходимы также изменения в уровне и структуре доходов и расходов госбюджета, который должен иметь более прогрессивный, то есть направленный на развитие, характер. Дефицит бюджета и государственный долг растут, но это лишь в минимальной степени связано с разумным стимулированием совокупного спроса, о чем я уже говорил на рубеже 2008 и 2009 гг. И что интересно: правительство проводит бюджетную политику ровно такую, которую оно прежде критиковало и от которой открешивалось.

Существенным инструментом политики нагнетания, а позже и поддержания высокой конъюнктуры должно стать частно-государственное партнерство, осо-

бенно в том, что касается инфраструктурных и экологических проектов, а также инвестиций в социальный капитал. В этой последней сфере должно проявиться развитие, стимулированное во все большей степени так называемой экономикой, опирающейся на знания. Но, если не считать отдельных анклавов, где дело обстоит совсем неплохо, без активного привлечения государственных средств все это останется в сфере благих пожеланий. И это потому, что частный сектор самостоятельно не в силах финансировать соответствующего качества человеческий (и даже шире – социальный) капитал, без которого он сам тоже не может динамично развиваться.

Польская проблема – прежде всего проблема политическая. Текущие конъюнктурные, институциональные и структурные вызовы превышают возможности и способности тех, кто правит страной. Поэтому мы ни через десять, ни даже через двадцать лет не достигнем западного уровня производства, потому что это требует также западной производительности труда. А она и дальше будет расти в высокоразвитых странах, хоть, возможно, и не так быстро, как это было в недавнем прошлом.

Если бы все время начиная с 1994 г., когда произошел перелом негативных последствий шока без терапии и экономика значительно ускорила, она шла вперед по 5–6 %, то в настоящее время ВВП на душу населения в Польше был бы почти в два раза выше, чем в 1994 г., и примерно на 170 % выше, чем в 1989 г. А так он всего на 80 % выше, чем два десятилетия назад. Если бы такую траекторию экономического роста, по какой мы шли в годы осуществления «Стратегии для Польши», продолжать в последующие двадцать лет, то можно было бы сравнить ВВП на душу населения в Польше с тем, который есть в богатых странах, поскольку при темпе роста производства 6,4 % в год доход удваивается каждые 12 лет. Но это был бы только поток подобной величины, а не уровень жизни, который является функцией не только текущих доходов, но и накопленных в течение многих лет и за многие поколения богатств.

К сожалению, в настоящее время нет возможности быстро вернуться к 5-, а тем более к 6%-ному темпу роста. Экономика Польши в результате неумелой реакции правительства на экономический кризис 2008–2010 гг. и доведения до деструктивного обесценения злотаго, прежде чем его курс под влиянием дуновения того же самого кризиса сломался в 2009 г., была ввергнута в структурную стагнацию. Очень быстро, в течение неполных двух лет, правительство довело темпы роста ВВП с 5–7 до 1–3 % и не в состоянии вернуть экономику обратно, на путь быстрого роста.

Создается парадоксальная ситуация, при которой мизерный рост порядка 1–3 %, на который обречена под неолиберальными влияниями Польша на стыке первого и второго десятилетий XXI в., представляется правительственной пропагандой как успех, потому что «есть места, где еще хуже». Но хуже всего то, что на политическом горизонте не видно правительства, которое сумело бы сломать синдром стагнации и ускорить динамику развития. У Польши есть потенциал экономического роста в 5–7 % в год, но нет политического класса, который был бы в состоянии этот потенциал привести в действие ради блага общества. Одного предпринимательства не хватит, потому что одних лишь рынка и свободы недостаточны. Нужны также активная позиция государства и креативная политика.

Мир в движении и польский вопрос

Поэтому не следует тешить себя иллюзиями, что обязательно произойдет скачок, принципиально изменяющий положение к лучшему. Впрочем, к худшему скачка тоже не произойдет. Само по себе ничего не происходит. Не пользуясь шансами, какие дает нам глобализация и Великая трансформация, Польша еще много лет будет оставаться позади развитых стран Запада. И так может быть всегда, если мы будем следовать в фарватере той жалкой политики, какую уже в третий раз после 1989 г. нам предлагает надвисленский неолиберализм – сначала во время шока без терапии в начале 90-х гг., потом, в конце 90-х гг., при ненужном переохлаждении экономики, и теперь, в результате неправильного реагирования на мировой экономический кризис.

Мы снова сошли с пути строительства социального рыночного хозяйства. А есть ли вообще в Польше место для такого строя? Да, есть, и даже очень много. То обстоятельство, что нам не удалось создать социальную рыночную экономику за последние двадцать с лишним лет, не означает, что мы должны отказаться от этой мысли. Видимо, надо еще лет двадцать, а то и больше, потому что это предприятие имеет масштабы поколения. Только при этом надо понимать, что все происходит в эпоху глобализации, то есть мегатренда кумулирующихся процессов либерализации и интеграции, в результате чего рождается взаимозависимая планетарная экономика.

Наши проблемы перестают быть только внутренним вопросом национального государства, общества определенной страны и его властей и элит. Если нам видится в будущем разумная социально-экономическая и политическая система, то она может возникнуть только через соответствующую синергию с изменениями, имеющими место в европейской и всемирной системах. Из этих соображений забота о более светлом будущем для последующих поколений должна выходить за национальные границы. Путь к этому все еще не близок. Возможно, что он даже длиннее, чем казался нам два десятилетия назад. Тем более следует держаться этого пути.